

Сун Ляньчэнь резко распахнул глаза. Стоило ему увидеть лицо Линь Юя, как в душе шевельнулся вовсе не страх и не паника, а глубокое, умиротворяющее облегчение.

Это казалось невероятным, но сейчас юноша не придавал значения столь тонким переменам в собственных чувствах.

— Как ты здесь оказался? — сорвалось у него с губ.

Линь Юй, бережно придерживая его одной рукой, тепло усмехнулся:

— Если бы я не пришёл, тебя бы совсем забили эти наглецы, верно?

Даже понимая, что это лишь брошенные вскользь слова, Сун Ляньчэнь ощутил, как к сердцу подступила незваная теплота. Не говоря ни слова, он обхватил Линь Юя за шею, но тут же опомнился, оцепенел и поспешно отдёргнул руки.

Линь Юй не обратил внимания на его смущение. Он лишь успокаивающе похлопал юношу по спине и перевёл взгляд на стоявшего неподалёку молодого человека.

— Надо же, благородный заклинатель, а нападает на беззащитного ребёнка, — с явной усмешкой произнёс Линь Юй. — Не боитесь стать посмешищем, если об этом узнают другие?

С того самого мгновения, как Линь Юй переступил порог, спесивый юнец словно окаменел. Он побледнел и намертво пригвоздил незваного гостя взглядом. Прошло несколько долгих, тягучих мгновений, прежде чем он процедил сквозь зубы, буквально выплёвывая каждое слово:

— Лу... Хуай... цин!

Линь Юй удивлённо приподнял бровь. С тех пор как он очутился в этом мире, ему впервые встретился кто-то, кто знал прежнего владельца тела.

— А ты, собственно, кто? — поинтересовался он.

От этого вопроса молодой заклинатель окончательно изменился в лице. Он глубоко, судорожно вздохнул и лишь спустя минуту выдавил подобие кривой, уродливой усмешки:

— Что? Ты меня уже не узнаёшь? Или потрясение оказалось настолько сильным, что у тебя ум за разум зашёл?

Линь Юй мысленно нахмурился. Судя по надменному тону и злобному оскалу, этот хлыщ действительно близко знал Лу Хуайцина. И ладили они, мягко говоря, скверно — скорее всего,

были заклетыми врагами.

Линь Юй беззаботно улыбнулся.

— Шутить изволишь, приятель, — отозвался он. — У меня слишком много важных дел. Если я стану забивать голову именами каждого встречного сброда, то просто сойду с ума от усталости.

— Да как ты смеешь, паршивец! — взвился один из прихвостней молодого господина прежде, чем его хозяин успел вставить слово. — Как ты разговариваешь с молодым господином? Жить надоело?!

Юнец небрежным жестом осадил разъярённого слугу и, прищурившись, с ног до головы оглядел Линь Юя.

— Значит, сброд? — протянул он с ядовитой усмешкой.

Линь Юй насторожился: реакция этого типа казалась странной.

— Не виделись всего три года, а ты, гляжу, осмелел, — заговорил тот, усмехаясь. — Забыл уже, как ползал передо мной на коленях? Как умывался слезами и соплями, вымаливая пощаду, и клялся, что вовек не посмеешь показаться мне на глаза?

«Неужели Лу Хуайцин и впрямь был таким трусом?»

Однако стоило ему перевести взгляд на этого хлыща и его челядь, как в душу закрались сомнения. Чтобы Лу Хуайцин уступил этой кучке хлипких недотеп? Да любой, кто знал силу прежнего владельца тела, поднял бы такого хвастуна на смех.

Линь Юй остался невозмутим. Он не удостоил собеседника ответом, и в комнате повисла тяжёлая тишина.

Спесивый юнец, не привыкший к подобному пренебрежению, начал наливаться злобой. Он метнул яростный взгляд на своего подручного.

Тот, оказавшись мало сообразительным, тут же выступил вперёд и громко, заискивающе затараторил:

— Молодой господин, стоит ли марать руки о подобную шваль? Поглядите на его убогое происхождение — разве у таких отродясь бывала честь? Мало того что он воровал всё, что плохо лежит, так ещё и пытался отравить вас, милосердного хозяина! Вы по доброте душевной даровали этой гадине жизнь, надеялись, что он исправится. А он, неблагодарный пёс, забыл все свои клятвы!

Впрочем, недавнее бесчинство молодого заклинателя уже настроило зевак против него. Поэтому, вопреки ожиданиям прихвостня, толпа не спешила шушукаться и осуждающе тыкать в Линь Юя пальцами.

Впрочем, сам юнец мало заботился о мнении толпы. Он снисходительно кивнул слуге и ядовито процедил:

— Твоя правда. Что взять с грязного ублюдка, прижитого от ничтожной служанки? Слишком много чести — чего-то от него ждать. Нужно было ещё тогда послушать матушку и забить эту тварь палками до смерти.

От этих сочащихся злобой слов Линь Юй невольно нахмурился.

Заметив это, молодой барич самодовольно вскинул подбородок:

— Что, не нравится правда? Если бы твоя паскуда-мать в своё время не раздвинула ноги перед моим отцом, тебя, выродка, вообще бы не было на этом свете! Моя матушка сжалилась, пригрела вас обоих, а ты, змеёныш неблагодарный, подсыпал мне отраву в еду. У тебя вместо сердца — яд!

Настоящий Лу Хуайцин давно покоился в могиле, и уличить лжеца во лжи было некому. Однако Линь Юй прекрасно понимал: всё это дешёвая клевета. Даже если нечто подобное и случалось, парня наверняка подставили, чтобы с позором выставить из поместья.

Подобной грязи в благородных семействах Линь Юй повидал немало. В его прежнем мире один близкий приятель прошёл через точно такой же ад. Законная супруга ни за что не потерпит под своей крышей нагулянного на стороне бастарда, который к тому же в будущем посмеет претендовать на долю наследства.

Что уж говорить про этот мир с его жестоким сословным делением. Лу Хуайцин с матерью наверняка влачили здесь полуголодное, скотское существование. Какое там отравление — их, скорее всего, и близко не подпускали к господским покоям.

Перед мысленным взором Линь Юя предстала треснувшая нефритовая подвеска, бережно хранимая в пространственном кольце. Прежний хозяин тела явно ненавидел свой род. Но зачем он сберёг этот осколок — лелеял ли втайне глупую надежду или держал как напоминание о перенесённых унижениях — теперь уже никто не узнает.

Линь Юй терпеть не мог лезть в чужие семейные дразги. Но раз уж он занял тело Лу Хуайцина, то был просто обязан смыть помой, которые эти твари так щедро на него лили.

Молокосос, не подозревая, что ходит по краю бездны, продолжал упиваться собственным красноречием. Вдруг воздух со свистом рассекла невидимая плеть. Подручный, только что

брызгавший слюной, дико взвизгнул и, пролетев несколько чжанов, с грохотом рухнул на доски пола.

Злобная тирада прервалась на полуслове. Юнец явно не ожидал от презируемого им «труса» такой дерзости и разъярился.

Линь Юй небрежно опустил руку и слегка склонил голову набок, уставившись на опешившего барчука ледяным взглядом:

— Ещё раз откроешь свою пасть, и следующим на полу будешь валяться ты.

<http://bllate.org/book/18181/1756754>